

УДК 308

Социография социальной вражды. Потенциал «спровоцированных» документов

О. А. Романовская

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, romanovska.ol@yandex.ru

Статья посвящена вопросу междисциплинарной рефлексии исторически сформировавшихся локальных социокультурных сообществ, находящихся в состоянии социальной вражды. Реализация исследовательской задачи была достигнута через привлечение и панорамный обзор коллекций Истпарта Российского государственного архива социально-политической истории и ГНИСО. Анализируется потенциал социографии применительно к «закодированной» информации, содержащейся в «спровоцированных» личных документах. Отмечается, что монографический метод воплощен в совокупности методик и весьма продуктивен при описании и измерении связанной социографической персональной информации как в количественных, так и в качественных исследованиях.

Ключевые слова: социография, социальная вражда, Гражданская война, социальная история, «спровоцированные» личные документы.

Social Hostility Sociography: “Provoked” Documents Potential

O. A. Romanovskaia

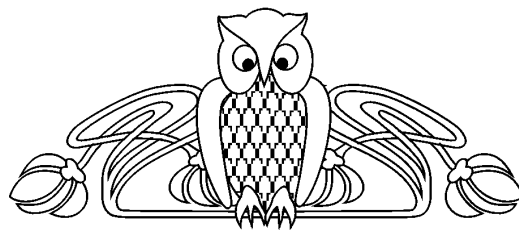
Olga A. Romanovskaia, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, romanovska.ol@yandex.ru

The article is devoted to the issue of interdisciplinary reflection of historically formed local socio-cultural communities in a state of social hostility. Implementation of research tasks was achieved by the involvement and visibility of the Russian state archive of socio-political history Istpart and GNISO collections. The potential of sociography in relation to “coded” information contained in “provoked” personal documents is analyzed. It is noted that the monographic method is embodied in a set of techniques and is very productive for the description and measurement of related sociographic personal information in both quantitative and qualitative studies.

Keywords: sociography, social hostility, Civil war, social history, “provoked” personal documents.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-266-267>

Междисциплинарные исследования социальной неоднородности любого общества имеют оригинальный бэкграунд, опосредованный исторически сложившимися социокультурными мирами. Чем сложнее структурирован социум, тем выше уровень неоднородности и уникальнее культурные различия. Пока общество является традиционным, оно воспроизводит и сохраняет местные субэтни-

ческие сообщества, ограниченные образом жизни и территориальными приписками.

Например, в Российской империи в условиях сословного строя существовало прикрепление по формальному признаку к сельскому обществу (деревне) по «формуле»: волость – уезд – губерния. Эта схема запечатлена не только в официальных документах, но и поэтически: «В каком году – рассчитывай, / В какой земле – угадывай, / На столбовой дороженьке / Сошлись семь мужиков: / Семь временнообязанных, / Подтянутой губернии, / Уезда Терпигорева, / Пустопорожней волости, / Из смежных деревень...»¹

Исторически сформировавшиеся группы, сословия, страты, классы, слои существуют в разных социокультурных мирах, создавая и наполняя «свой мир», свое локальное сообщество документами в предельно широком значении, т. е., документами – носителями любой «кодированной» информации о социальных явлениях и процессах. Официальные и неофициальные, эти документы составляют бескрайний массив репрезентаций. Однако для удобства мыслительных операций исследователи классифицируют документы по различным основаниям: по видам материальных носителей, по степени персонализации, по ситуации создания документа...

В этой связи обратимся к феномену неофициальных (личных), но «спровоцированных» документов, созданных кем-либо специально для реализации каких-либо целей (к примеру, автобиографии, мемуары, школьные сочинения и т. п.). Наша авторская презумпция заключается в убеждении, что при настраивании социографического (в понимании Ф. Тенниса) исследовательского фокуса на «спровоцированные» документы, помимо прочего, весьма интересна и информационно важна неспровоцированная источниковая часть. Особенно когда в качестве объекта исследования выступает относительно автономная и протяженная во времени социальная ситуация, к примеру, социальная напряженность, вражда и ненависть периода революции и Гражданской войны в России первой четверти XX в., породившие борьбу дискурсов изучения, восприятия и коммеморации².

Полагаем, что научный анализ источниковой (документальной) неспровоцированности личностных оценок, «обслуживающих» повседневную жизнь, становится продуктивным при реализации стратегии монографического исследования случая. Именно поэтому при исследова-

тельской рефлексии необходимо настроиться на выявление ограничений по параметрам времени, места, персоны социального действия и содержания этого действия.

Обратимся к коллекции Истпарта – Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (б)³, которая содержит 973 единицы хранения «спровоцированных» документов⁴. Однотипные этим документам единицы хранения находятся в коллекциях областных истпарта, например ГАНИСО⁵. Печатным органом Истпарта был журнал «Пролетарская революция»⁶, в котором публиковались статьи исследовательского характера, документы и мемуары по истории рабочего движения, Коммунистической партии, Октябрьской революции и Гражданской войны, т. е. документы эпохи, которые мы определяем как «спровоцированные» и созданные специально для реализации директив, инструкций, методических указаний к применению идеологического «сита» для отсеивания «ненужных» фактов и свидетельств⁷.

Между тем информанты, которые свидетельствовали о своем участии в социальном противостоянии, ориентируясь на идеологический заказ и «социально одобряемые цели», нерелексивно «пропускали» в свой мемуарный текст (рукопись/машинопись) «неспровоцированную» информацию о врагах советской власти: «кулаках», «буржуях», «повстанцах», «бандитах», «белых», «зелёных»... Именно эти нарративы, просеянные через «сито» губернских, позже областных истпарта, составляют сейчас ценные источники социального противостояния.

Более того, через «неспровоцированный» сегмент «спровоцированных» документов возможно восстановление социальных программ микроуровня тех акторов, которым не суждено было оставить о себе авторские «независимые» свидетельства. Полагаем, что именно социография позволяет, сфокусировавшись на деталях, описать экзистенцию среды, в которой разворачивались социальная напряженность, вражда и ненависть означенных событий.

Ресурсы социографии позволяют проводить различие отражения, «как увидел» социальный актор случай и что фактически отражалось. Для точности отметим, что социография базируется на методике изучения социального факта, утвержденной Великим офицером ордена Почетного легиона Фредериком Ле Пле, через монографическое описание и измерение конкретных явлений социальной жизни, обяза-

тельно с применением количественных методов.

Монографический метод воплощен в совокупности методик и весьма продуктивен при описании и измерении связанной социографической персональной информации, что успешно доказано на примере «демографического мешка» тамбовским исследователем В. Л. Дьячковым⁸. Здесь измерения жестко структурированы и являются конечными. Между тем изучение «неспровоцированного» сегмента «спровоцированных» документов для качественной стратегии социографического исследования должно строиться таким образом, чтобы в описанном «отдельном случае» отразилась социальная реальность макроуровня, иными словами, социография позволяет ликвидировать «лаги» между изолированными друг от друга социальными ситуациями, связь между которыми может быть установлена через социальное время.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-01-00460-ОГН ОГН-А).

Примечания

- 1 Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. М.: Детская литература, 1981. С. 5.
- 2 См.: Булгаков А. О., Виноградский В. Г., Посадский А. В., Романовская О. А. Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов. Саратов: Амирит, 2018.
- 3 См.: Воспоминания, статьи, другие документы, собранные Истпартом // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3: 1920–1936 гг.
- 4 См.: Список фондов и описей // Российский государственный архив социально-политической истории: [сайт]. URL: http://www.rgaspi.ru/funds/spisok_opisei (дата обращения: 21.04.2019).
- 5 См.: ОГУ Государственный архив новейшей истории Саратовской области: [сайт]. URL: http://saratov.rusarchives.ru/cdniso_fonds.html (дата обращения: 29.04.2019).
- 6 См.: Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 607.
- 7 См.: Клопихина В. С. Деятельность Истпарта в исследовательском поле интеллектуальной истории. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/878> (дата обращения: 08.05.2019).
- 8 См.: Дьячков В. Л. Белые, красные, зелёные: истоки и сравнительная социография активистов гражданской войны в России. Тамбовская губерния в революции 1917 года и Гражданской войне: особенное в общем // Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: Исследования, документы, воспоминания / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2018. С. 103–124.

Образец для цитирования:

Романовская О. А. Социография социальной вражды. Потенциал «спровоцированных» документов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 266–267. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-266-267>

Cite this article as:

Romanovskaia O. A. Social Hostility Sociography: “Provoked” Documents Potential. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politics*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 266–267 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-266-267>